

РУССКИЕ
ПИСАТЕЛИ
В ТОМСКЕ

Издательство «ВОДОЛЕЙ»
ТОМСК — 1996

ББК 83.3Р
Р89

Учредитель издательства «Водолей» —
Томская областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

Издательство «Водолей» выражает глубокую благодарность
Томскому Областному Краеведческому Музею,
предоставившему из своих фондов фотоматериалы, исполь-
зованные в этой книге

Художник Б. Н. Перцев

Р89 **Русские писатели в Томске.** — Томск: Изда-
тельство «Водолей», 1996. — 192 с.

Книга «Русские писатели в Томске» является первым опытом создания литературной истории «Сибирских Афин». Каждая из одиннадцати глав: о протопопе Аввакуме, А. Н. Радищеве, Г. С. Батенькове, лицейстах пушкинского выпуска, петрашевце Ф. Толле, К. М. Станюковиче, В. Г. Короленко, Г. И. Успенском, Ф. Волховском, Н. И. Наумове, А. П. Чехове — воссоздает летопись жизни Томска как места ссылки и вместе с тем как культурного университетского центра; позволяет увидеть жизнь города в «беге времени» — от XVII до конца XIX вв., оценить его вклад в историю отечественной культуры.

Книга подготовлена коллективом сотрудников кафедры русской литературы Томского университета во главе с доктором филологических наук, профессором А. С. Янушкевичем.

Для преподавателей и учащихся школ, лицеев и гимназий, филологов, краеведов.

Р $\frac{4603020100}{M46(03)-96}$ без объявл.

ISBN 5—7137—034—8

© Авторы статей, 1996

© Перцев Б. Н., оформление 1996

© Издательство «Водолей», 1996

А. Н. РАДИЩЕВ:
ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА
В ИЛИМСК

О. Б. Лебедева

Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был, и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе, и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх—
В острог Илимский еду.

А. Н. Радищев. Ответ.

С тех пор, как Сибирь была завоевана и присоединена к России и большая дорога — Иркутский тракт, идущая от Москвы до Иркутска, прорезала всю страну, Сибирь быстро стала местом каторги и ссылки. Ухабы и колдобины Иркутского тракта, версту за верстой, пересчитали своими ногами самые разные люди — вольные и невольные переселенцы, государственные чиновники, направляющиеся к месту новой службы, воры, насильники и душегубцы, беглые крестьяне, виновные и невинные многочисленные ссыльно-каторжные, уголовные и политические преступники. Среди них — лучший цвет общественной мысли и культуры России, писатели и поэты, поплатившиеся путешествием в «места, не столь отдаленные» за нежелание молчать и стремление действовать.

На этой большой дороге были обязательные перевальные пункты, которых ни один путешественник миновать не смог бы, даже если бы он этого очень и захотел: другой-то дороги ведь не было. Один из этих пунктов — Томск, большой и культурный, по сибирским понятиям, город, где можно было передохнуть от дороги перед дорогой и запастись всем необходимым на долгом пути, в частности, как об этом свидетельствуют невольные путешественники, колесами, поскольку дорога от Томска до Иркутска, особенно на первых порах, в XVII-XVIII вв., заслуживала названия таковой лишь очень приблизительно.

Скорбный путь русской литературы по Иркутскому тракту открывает А. Н. Радищев.

* * *

Блистательная, кульминационная фигура русского Просвещения XVIII века, превосходно образованный человек, юрист, экономист, философ и художник слова, читатель и почитатель французских энциклопедистов Мабли, Руссо и Гельвеция, Радищев — первый русский писатель-диссидент, слово которого поистине стало делом, настолько весомо было это слово в духовной жизни нации.

Радищев не только венчает своим творчеством и своей жизнью «век разума и просвещения», он еще и открывает типичный для новой русской культуры путь писателя, не могущего молчать: путь явной оппозиционности мысли, наказуемый властью жестоко, но однообразно, как в XVIII веке, так и в XX-м: застенки, негласный суд, запрет на имя, приговор, а дальше — варианты. В исключительных случаях — казнь, в большинстве — каторга и ссылка. В судьбе Радищева сошлись оба эти варианта: смертный приговор Екатерина II заменила ему ссылкой на вечное поселение в Илимский острог.

За что был осужден Радищев? За слово. Слово страстной ненависти к сугубо русскому злу, которое сгустилось в России в весьма материальные условия жизни, общественный строй, вручающий всю полноту ответственности (или безответственности) единоличному капризу и произволу, строй, сводящий одних людей на положение вещи или скотины, а других поднимающий до положения божества, властного не только над жизнью, но и над мыслью и чувством другого человека. Слово ненависти Радищева, звучащее в его книге «Путешествие из Петербурга в Москву», — это тоже сгусток почти материализовавшейся эмоции, которая своими очертаниями живо напоминает кулак или дубину — извечные символы народного возмущения и бунта: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что мы крестьянину оставляем? То, что отнять не можем — воздух. <...> Закон запрещает отнять у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отнять ее у него постепенно!» [I; 1,378].

Уже одна констатация глубокой ненормальности русской общественной жизни, юридически, экономически, нравственно доказанная ее извращенность, которая калечит природу человека и властью, и рабством, была чревата той судьбой, которая постигла автора «Путешествия...» Но сила возмездия усугублялась еще и тем, что книга Радищева появилась на прилавках петербургских книгопродавцев в

роковым для монархов Европы 1789 году — одновременно с началом Великой французской революции, которая смела с лица земли символ французского абсолютизма — Бастилию, обогрела землю Франции королевской кровью и кровью, пролитой аристократами и санкюлотами, монархистами и республиканцами в ходе трехлетней гражданской войны, эти два несоизмеримые в быту, но в истории близкие к равновеликости события — книга Радищева и Великая французская революция — были прозорливо отождествлены Екатериной II в панических записях, которые русская императрица оставляла на полях читаемого ею «Путешествия...»: «Книга совершенно явно и ясно бунтовская! Здесь рассеивание заразы французской» и «Бунтовщик страшнее Пугачева» [8;503-505]. «... страшнее Пугачева!» А ведь это тоже несоизмеримо: трехлетняя крестьянская, по сути, гражданская война, заливавшая кровью русские губернии от Поволжья до Башкирских степей — и книга, дошедшая до читателя в количестве каких-нибудь 15 экземпляров (остальной тираж был уничтожен, да и количество русских читателей XVIII века хорошо можно себе представить по обычной средней цифре подписчиков на периодические издания — от нормальной, 250 человек, до очень большой, определяющей незаурядный читательский успех журнала или газеты — 1200!).

И все же императрица была права: Радищев для любой абсолютной власти страшнее Пугачева. Насильственное противодействие неспособно уничтожить такую власть, потому что противоборствующие силы однородны, и побеждает то насилие, которое больше: как правило власть и режим обладают возможностями физического подавления, превышающими такие же возможности бунтовщиков. Поэтому тоталитарной власти как принципу насильственные действия не так уж и страшны: в лучшем случае абсолютизм рано или поздно подавит восстание, в худшем — угнетатели и угнетенные поменяются местами, от чего, как известно, сумма измениться не может, и тоталитаризм остается тоталитаризмом, чему лучшее доказательство — русская история XX века.

Радищев же первым в истории русской общественной мысли обнаружил то новое качество, ту новую силу, которая способна результативно противостоять всей машине государственного насилия: один отдельно взятый свободный человек. Таков он сам — писатель. Таков его герой — путешественник, безымянный, любой человек, изначально вооруженный отнюдь не системой передовых политических взглядов, а теми орудиями ориентации в жизни, которыми

Бог снабдил каждого человека: глаза и уши, сердце и разум ведут путешественника, а за ним и читателя по пути освобождения мысли, к ясному пониманию того, что есть добро, а что — зло. Человек с ясным зрением и твердым сознанием нравственной нормы — самая страшная опасность для тоталитарного режима.

Радищев, показавший в своей книге неизбежность периодически вспыхивающих кровавых бунтов против существующей системы власти в России, отнюдь не призывал к насильственному свержению самодержавия — на это покусился именно Пугачев. Но Радищев впервые обнаружил и поведал каждому, кто потрудится вдумчиво прочитать его книгу, при каких условиях тоталитарная власть рассыплется без посторонней помощи, потому что утратит свои корни и опору в массовом духовном рабстве людей. Путь освобождения мысли каждого человека невероятно долог и труден, но его безусловная результативность подтверждена всей двухсотлетней историей России после Радищева и всей русской диссидентской литературой от «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева через «Былое и думы» Герцена, «Письма из Сибири» Лунина, «Остров Сахалин» Чехова до «Архипелага Гулаг» Солженицына и «Факультета ненужных вещей» Домбровского. Просвещенная императрица, прочитавшая книгу Радищева, которой предстояло стать истоком такой мощной литературной традиции, имела полные основания и для своих выводов (очень верных), и для своего испуга (очень обоснованного)!

Результатом ее испуга и стало то обстоятельство, что осенью 1790 года, после одиночного заключения в Петропавловской крепости, следствия, суда и приговора закованный в кандалы Радищев первым из русских писателей вступил на ту дорогу, которая через год привела его в один из перевальных пунктов Иркутского тракта, в город Томск, где ему пришлось задержаться на две недели: его свояченица, догнавшая писателя в Тобольске с двумя его старшими детьми, Е. В. Рубановская (в Илимском остроге она стала его женой), тяжело болела; повозки сломались на осеннем сибирском бездорожье, а до Иркутска и, тем более, Илимска, было еще далеко, да и стоило ли торопиться, если Радищев ехал, как ему тогда думалось, к месту своего вечного поселения?

Задержимся же вместе с ним и мы, посмотрим, какой след оставил Томск в письменных документах, в зеркале мыслей и чувств писателя. Попробуем выяснить, каким увидел Радищев наш город, с кем он познакомился и, может быть, нам удастся восстановить и тот чуть заметный в веках

след памяти, оставленный в истории города двухнедельным пребыванием в нем писателя Александра Николаевича Радищева.

* * *

По «Запискам путешествия в Сибирь», которые Радищев вел по дороге в ссылку, и по его письмам с дороги мы можем узнать, какое впечатление произвела на писателя Сибирь. 24 июля 1791 г. в дневнике писателя появляется запись: «Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мощный край! Нужны еще века, но как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира!» [1;3,387]. «Это — общая идея, которая проходит через все работы Радищева периода сибирской ссылки. Следы впечатлений и бытовых наблюдений писателя по дороге в Томск и детали томских пейзажей сохранились на страницах «Записок путешествия в Сибирь»: «9 августа — 12 сентября 1791 года. Дорога лесиста, по рекам бор, а между березняк, грунт песчаный. В деревне Колтая живут русские и татары. В 4-х верстах от Томска переезжают Томь. Сия река камениста. У перевоза видна каменная ломка, сланец, аспид, купоросная земля, слои кварцевые. В Томске живут раскольники, татары. Рыбу имеют из Оби. Кожевни, холст продают, набойки делают. Баранки для милостыни» [1;3,262].

Из Томска Радищев написал своему другу и покровителю А. Р. Воронцову письмо, в котором попытался обобщить свои впечатления от поездки по Западной Сибири и пребывания в Тобольской губернии, к которой в конце XVIII века принадлежал и Томск. Вот его текст:

«После пути весьма утомительного по причине непрерывных дождей я доехал до Томска в три недели и один день. Большая часть наших повозок сломалась, что задержит нас здесь на несколько дней; надо запастись колесами, ибо, как мне сказывали, отсюда до Иркутска по меньшей мере 500 верст дороги, не поддающейся описанию.

Хотя вся страна от Иртыша до Оби плоская, тем не менее она представляет большое разнообразие местности. Я не в состоянии подробно описать Вашему сиятельству различные чувства, какими была объята душа моя во время проезда по сему краю. Возвышенные берега Иртыша являют изумительные виды: огромные луга пересечены озерами различных очертаний. По правильности рисунка можно сказать, что человек с компасом в руке калечит природу,

когда ему приходит в голову подражать ей. Но огромность плана тотчас же уничтожает сию мысль.

Берега Иртыша довольно населены, так же как и берега прочих сибирских рек; населены надо понимать по-сибирски: кроме берегов реки, населенных добровольными поселщиками, и большой дороги, пересекающей страну и принудительно заселенной, — все пусто. Часто проходишь по лесам, куда не проникала разрушающая рука человека. Но почему же душа опечаливается, видя страну, избежавшую опустошения, произведенного человеком? Человек часто такой друг человеку, что для того, чтобы жить с себе подобными, он согласится скорее на беспокойную жизнь разбойника, чем на глубоко спокойную жизнь пустытника.

Земледелие сей страны обширно, но не скажу, чтобы оно находилось в цветущем состоянии. Кроме годов неурожая земля родит хорошо, но почва довольно неблагоприятна. Удобрения мало известны, а поля имеют в них большую нужду. Здесь из-за обширности земель обходятся без улучшений и всегда обрабатывают лишь целину. Пастбища, особенно известные в округе под названием Бараба, огромны, но обитатели сего края никогда не будут в состоянии развести большое количество скота. Болезнь, которая возникает обыкновенно каждое лето, постоянно будет препятствовать размножению животных. Это род заразы, известной здесь под именем сибирской язвы. <...>

Во многих местностях крестьянин живет в довольстве, старожилы часто богаты хлебом и скотом, но им недостает денег из-за отсутствия сбыта; поселщики по большей части бедны. <...>

За Обью местность меняется, и картина для путешествия становится более однообразной, так как кругозор сужен лесами, по которым почти все время проезжаешь. Жителям Томской округи, по-видимому, живется привольнее, чем многим другим. У них есть сбыт их добычи с Кольванских рудников. <...>

Я кончаю, опасаясь злоупотребить терпением Вашего сиятельства, но я не боюсь просить Вас продолжать мне Ваши милости и помнить о том, кто есть и всегда будет с глубочайшим уважением и самой неизменной преданностью и проч.

Томск, 23 августа 1791 года».

(Подлинник по-французски. 1;3,391-392).

Подробно описав в дневнике и письмах свою дорогу к Томску, Радищев не оставил описания самого города, ни разу не обмолвился в своих записках о том, что он увидел в Томске, как провел две недели в городе и с кем общался.

Но мы можем попробовать представить себе все это, опираясь на свидетельства о Томске других путешественников конца XVIII века: вряд ли за те немногие годы, которые отделили время их пребывания в Томске от радищевского визита, город существенно изменился.

Вероятно, и Радищеву Томск предстал приблизительно таким, каким увидел его двадцатью годами раньше, в 1770 г., знаменитый естествоиспытатель и путешественник Петр Симон Паллас, «медицины доктор, естественной истории профессор. Российской Императорской Академии Наук, Вольного экономического Санкт-Петербургского общества, Римской Императорской естествоиспытательной академии и Королевских Аглинского, Шведского и Геттингенского собраниев член», совершивший путешествие по Сибири и Дальнему Востоку и описавший эти земли Российской короны в многотомной книге, изданной в Санкт-Петербурге в 1786 г.:

«Перевоз на Томе находится на три или четыре версты выше города, и оной производится на пароме с веслами, по той причине, что сия река весьма широка. На другой стороне идущий немалой хребет служит реке сей высоким берегом. <...>

Также и желтая глина содержит в себе купорос, и в оной находят друзья сланцевой твердой охры, которая в красную краску сжигается и того ради набойщиками, коих в Томске весьма много, с великим старанием собираема: в оной же самой желтой глине лежит слоями и комьями <...> весьма чистая и снегу подобная белая глина.

Томские жители ее добывают во множестве для беляния печей, горниц и проч.: самую лучшую вырывают они глыбже под землю. <...> Достопримечательнее для меня из всего вышеупомянутого был черный купоросной сланец, коего листья и слои идут, однако, перпендикулярно. Между оными листьями видны вдавленные изображения морских растений, а особливо весьма ясное гнездо полипов, небольших гребенных раковинок» [5; 424-425].

Не правда ли, очень похоже по-научному обстоятельное и подробное описание подъездной дороги к Томску ученого-академика Палласа на беглые путевые заметки ссыльного писателя Радищева?! Каменная ломка, сланец, купоросная земля, охра для изготовления краски, набойный промысел (окраска тканей) — все это встречается как в одном, так и в другом описании, что неудивительно: одна и та же дорога подвела академика и ссыльного к одному и тому же перевозу в районе нынешнего Лагерного сада; одно и то же геологическое образование они рассматривали в равной мере пытливым и одинаково просвещенным взглядом. В этом тожде-

стве предварительных впечатлений о подъездах к Томску — залог следующего тождества — наверняка, панорама Томска, подробно описанная Палласом и опущенная в записках Радищева, тоже не изменилась так уж существенно с 1770 по 1791 год. У Палласа читаем:

«Город Томск стоит на правом берегу реки Томи верст за сорок от ее устья в Обь, на весьма неровном и инде бугры и болота имеющем месте, и простирается по течению реки от Запада к Северу. На южном конце оно, где большею частью Татары живут, бегут из озера маленький ручеек в реку Тому, и речка Ушейка. <...> На северном же конце подходит к Томе еще озеро Веселишно называемое. В середине почти города идет от севера к югу простирающийся хребет, на котором находится за 130 лет с небольшим выстроенная <...> крепость, или кремль, с четырьмя башнями, с двумя воротами и одною колокольнею; в середине же оной есть соборная церковь, Канцелярия, Архив и каменная казенная палата, амбар, где хранятся в подать приносимые мехи, развалившаяся гауптвахта и погреб, из коего Татарам, приносившим подать, в удовольствие раздавали вино: на сей горе находятся еще, кроме частных строений, воеводский дом, тюрьма и гауптвахта. <...>

Главная часть города лежит внизу горы вдоль по Томе, коей большая половина с тремя церквями в бывшем прошлого года пожаре выгорела. Нельзя себе ничего беспорядочнее представить, как узенькие, кривые и одна другую пересекающие улицы, дома один другого загораживающие и скверные лачужки, которые <...> все сие многолюдное место составляли. <...> Но как новое строение сие еще не совершено, то весь город от пожарищ, погребных остатков и проч. имеет весьма жалостный вид. В нижней части города грязь чрезмерная, так что кареты в оной вязнут по самые ступицы; тому, по совершении нового строения, мостовыми улицами всеконечно пособить бы можно» [5; 427-428].

Трудно сказать, были ли настелены мостовые через 20 лет после того, как карета Петра Симона Палласа завязла в томской грязи по самые ступицы, — скорее всего, и Радищевские полуизломанные повозки промесили ту же самую грязь, прежде чем втащили невольного путешественника на ту же самую Воскресенскую гору, провезли через ворота того же самого Томского кремля и подъехали к крыльцу того же самого воеводского дома, в котором, как и прежде, проживал воевода. Вот только неизвестно, тот ли, который встречал ученого академика. И нам, идущим по следам Радищевского ссыльного маршрута, пришлось бы у этого крыльца остановиться или же вступить в область

совсем гадательную, если бы не маленький сын А. Н. Радищева Павел, который тогда, в 1791 году, находился с отцом в повозке, а много лет спустя, уже после смерти отца, написал с братьями его биографию, в которой их совместно пребыванию в Томске посвящен такой эпизод: «Радищев был принят ласково комендантом Томска Томасом Томасовичем Де Вильнёв, французом, бригадиром в русской службе. Он пускал во дворе его монгольфьеров шар, сделанный им из тонкой бумаги, — зрелище, до того времени не виданное в Сибири» [2; 73].

Так в жизни Радищева и в нашей истории его пребывания в Томске появляется загадочная фигура военного коменданта города, который приютил опального писателя и вместе с неблагонадежным вольнодумцем развлекался запуском воздушного шара.

Практически все, что известно о Томасе де Вильнёве, укладывается в 12 строчек надгробной надписи на чугунной плите, до середины 1860-х годов покрывавшей его могилу на Шведской горе над Дальним Ключом, а потом — перекочевавшей на входную площадку Костела по распоряжению ксендза Громадзского, который таким образом спас ее от уничтожения, так как плита, по свидетельству А. В. Адрианова, «неоднократно была уносима с единственной на Каштаке могилы практически обывателями в качестве шестка для русской печи» [7, 108]. Вот эта надпись: «Во имя отца и сына и святого духа аминь. На месте сем погребено тело французской нации Урожденца провинции Прованс римскокатолического закона полковника областного города Томска коменданта и ордена святого и равноапостольного Владимира кавалера Томаса Томасова сына Девиллена, который родился 1715 декабря 21 д. окончил жизнь 1794 года августа в 2 день в среду» [7, 108].

Неизвестно, какая судьба занесла в Россию провансальца Де Вильнева, где и как он служил, почему попал в Томск. Неизвестно, когда Томас де Вильнев был назначен комендантом. Известно зато, когда был отставлен — в 1793 году. Причиной отставки мог быть его преклонный возраст: в 1793 г. коменданту было 78 лет. С другой стороны — такой факт: после того, как началась Великая французская революция, Екатерина II потребовала от всех французоз на русской службе отречения от французской республики и присяги на верность российской короне. Списки французоз, принесших требуемую присягу, печатались в 1792-1793 гг. в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Имени Томаса де Вильнева, бригадира русской армии, военного коменданта Томска, в этих списках нет [3; 37].

В сочетании со свидетельством Павла Радищева о «ласковом приеме», оказанном комендантом ссыльнопоселенцу А. Н. Радищеву, этот факт дает возможность увидеть в Томасе де Вильневле патриота, свободолюбца и приверженца республиканских идей. Как ни странно, но само участие Вильнева в акте запуска воздушного шара («Монгольфьера»), который был склеен Радищевым в доме коменданта из тонкой бумаги и со двора его дома на Воскресенской горе (современный адрес — ул. Бакунина, 26; имеется мемориальная доска) выпущен в осеннее сибирское небо, тоже свидетельствует о его «политической неблагонадежности» с точки зрения русских властей.

Монгольфьеров шар — это не просто эпохальное научное открытие, не просто дерзновенный эксперимент: новый способ взлететь человеку в небо почему-то сразу был воспринят русской самодержицей в штывы, и, как показали последующие события, вполне справедливо: Екатерине II и тут не изменила свойственная ей острота политической интуиции, как это было и в случае с книгой Радищева.

Об изобретении воздушного шара братьями Монгольфье, по имени которых шар и получил свое название «монгольфьер», русские власти были осведомлены по горячим следам открытия: сохранилось три донесения русского посла во Францию князя Барятинского от ноября-декабря 1783 г., с приложением рисунков, изображающих опыты братьев Монгольфье и Шарля, а также всех номеров парижских газет, публиковавших отчеты об этих опытах и о принятии первых воздухоплателей мира в члены Французской академии.

В 1783 году, за 6 лет до начала Великой французской революции, Екатерина II не могла, конечно, знать, что монгольфьер станет одним из символов молодой Французской республики, что братья Монгольфье займут высокие посты в республиканской администрации, а их изобретение — воздушный шар монгольфьер будет успешно использован революционным Конвентом для республиканской армии. И тем не менее, подозрительное и враждебное уже тогда отношение русской императрицы ко всему французскому и просветительскому сказалось в негласном запрете на опыты с воздушными шарами в России.

В 1786 г. известный французский воздухоплатель Бланшар, предложивший свои услуги русскому правительству для изготовления воздушного шара и совершения демонстрационных на нем полетов, получил любезный, но очень решительный отказ. Русский агент Бланшара, вероятно, передал ему то, что предписывалось высочайшим повелением в специальном письме по этому вопросу канцлера графа

А. А. Безбородко: «Ея Императорское Величество, уведомясь о желании известного Бланшарда приехать в Россию, высочайше повелеть соизволила, чтобы вы ему дали знать об отложении такового его намерения, ибо здесь не занимаются сею или другою подобною аэроманиею, да и всякие опыты оной яко бесплодные и ненужные у нас совершенно затруднены» [10;22].

Так одно из величайших научных открытий XVIII века стало в России своеобразным синонимом французской республиканской «заразы», символом свободы человеческого духа, порывающего оковы земного притяжения и возносящего человека к небесам — извечной обители истины и справедливости в человеческих представлениях о мире во все времена. И, конечно же, далеко не случайно то обстоятельство, что в крамольной радищевской книге «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой очерчивается тот же путь освобождения и духовного подъема к истине, образ ненавистного русской власти монгольфера соседствует с воспоминанием о древнем республиканском Новгороде и «Проектом в будущем», где писатель моделирует путь эволюционного становления русского демократического государства: «Я такую славу применю к шарам, в XVIII столетии изобретенным: из шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горячим воздухом и взлетают с быстротою звука до выпренных пределов эфира» [1;1,317].

Мотив воздушного шара, монгольфера, на редкость устойчив в творчестве А. Н. Радищева. В Илимском остроге, размышляя «О человеке, его смертности и бессмертии», он замечает, что «шар Монгольферов имеет силу вознести человека превыше облаков, превыше области грома и молнии» [1; 11,106]. В имении Немцово, где Радищев прожил три года после возвращения из Сибири, он вновь вспоминает имена братьев Монгольфе и Бланшара в «Памятнике дактило-хореическому витязю». Наконец, в одном из последних своих произведений, в стихотворении «Осьмнадцатое столетие» он увидит в воздушном шаре своеобразный символ своего века, «века разума и просвещения»:

Мощно, велико ты было, столетье...

Даже летучи пары ты заключило в ярем;

Молнью небесну склонило во узы железны на землю

И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.

[1;1,128].

Среди этих литературных и документальных образов младший брат великого монгольфера — маленький «монгольферов шар», по воспоминаниям сына писателя, скле-

енный из тонкой бумаги и наполненный горячим воздухом, что взлетел в августе 1791 года в Томское небо над Воскресенской горой, обретает особый смысл. Томичи XVIII века, которые увидели шар в небе над городом, могли, конечно, счесть его запуск развлечением. Более просвещенные люди могли увидеть в этой акции ученый эксперимент. Думается, однако, что запуск воздушного шара мог обрести хотя бы для двух участников этого маленького спектакля — а именно, для француза-республиканца и русского вольнодумца — и символично-политическое значение как демонстративный жест неповиновения (ср. правительственный запрет на опыты с воздушными шарами) и единомыслия крепостной России и республиканской Франции, дань признательности свободе человеческой мысли.

Радищев, покинувший Томск и расставшийся с военным комендантом де Вильневым осенью 1791 г., не знал двух вещей: во-первых, что судьбе угодно будет еще раз привести его в Томск, но на сей раз уже не Иркутским, а Московским трактом, на обратном пути в европейскую Россию из ссылки: во-вторых, что он уже не застанет в живых своего гостеприимного хозяина. Может быть, именно потому, что он не встретился с бывшим военным комендантом Томска на своем счастливым возвратном пути, память о сочувствии в несчастье была писателю особенно дорога. И как знать, не этой ли памяти о поездке в Сибирь и о людях, которые встречали и привечали писателя на ссыльном тракте, обязана своим появлением еще одна книга, имеющая прямое и непосредственное отношение к нашей истории?!

Она появилась в петербургских и московских книжных лавках в 1802 году, может быть, уже после смерти А. Н. Радищева. Книга «Лессепсово путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири», анонимный перевод с французского, написана участником знаменитой научной экспедиции Ж.-Ф. Лаперуза, французским консулом Жаном-Батистом Лессепсом который покинул борт корабля «Астролябия» в Петропавловске-Камчатском 29 сентября 1787 года и сухопутным путем, через Россию, вернулся во Францию с дневниками и материалами экспедиции.

В третьей части Лессепсова путешествия есть две крохотные главки, относящиеся к его пребыванию в Томске:

Замечания о городе Томске

Томск довольно приятный город. Часть оного стоит на одном возвышенном месте, где был и Комендантский дом; а другая спускается к реке Тому. Я не долее в нем был, как только успели поправить мои колеса.

Кто был комендант

Когда я пришел к Коменданту Томскому, то скоро перестал беспокоиться. <...> Я нашел в нем одного француза, г. Вильнева. Он имел полковнический чин, который принял меня так как соотечественника; довольно сего сказать, чтоб дать понять другим взаимную радость при нашем свидании. Казалось мне, что я был перенесен во Францию [6;200-201].

Имя переводчика на титульном листе «Лессепова путешествия...» не обозначено. И лишь недавно, в результате специальных библиографических разысканий, установлено, что этим переводчиком был А. Н. Радищев [9;194]. По вполне понятным причинам неблагонадежный Радищев не мог написать о своем вынужденном сибирском путешествии, хотя и был очень склонен к этому жанру — кому, как не автору «Путешествия из Петербурга в Москву», поплатившемуся реальным путешествием за вымышленное, удалось бы описать Сибирь лучше? Однако, он не мог этого сделать от своего имени, не мог выразить публичной благодарности тем людям, которые ласково принимали его на перевальных пунктах каторжного тракта, лечили, снабжали едой и колесами. Он не мог публично назвать Вильнева своим единомышленником и другом, хотя французу, покоившемуся под чугунной плитой на Шведской горе в Томске, это уже ничем не грозило. Однако, Радищев выполнил долг благодарности, и, может быть, память об августе 1791 г., о запуске Монгольфьева шара была одной из побудительных причин перевести книгу Лессепа, устами которого высказано многое, чего Радищев не мог сказать сам. Так имена двух французов навсегда остались в той русской истории, неотъемлемой частью которой стал Радищев. Но все это было потом, по возвращении из ссылки, а мы пока еще не покинули осеннего Томска 1791 г. вместе с Радищевым... Впрочем, для того только, чтобы вновь проехать через город вместе с писателем на обратном пути.

Добравшись до Илимска, Радищев не перестал размышлять о Сибири, впитывать новые впечатления и писать. Общественный деятель, глубокий знаток экономики, историк, философ и правовед, Радищев в Сибири особенно интенсивно продолжает думать о судьбах России и о человеке в России. Как профессионалу, Сибирь особенно интересна ему тем, что здесь его мысли о государственном строе России обретают неожиданное подтверждение. Ведь в Сибири, за удаленностью от России европейской — государства в собственном смысле — крепостное право существует

только в формально-юридическом отношении и отнюдь не определяет своими законами стихийную и естественную сибирскую экономику. Эта уникальная, особая грань жизни в Сибири позволяет Радищеву увидеть первые зачатки свободного рынка, проблеме которого посвящен политэкономический трактат «Письмо о Китайском торге», созданный Радищевым в Илимске. Через полвека после Радищева эту же особенную естественную свободу сибирского экономического и бытового уклада отметит один из его духовных наследников, декабрист В. Ф. Раевский, почти единственный из декабристов, кто и после амнистии 1856 г. остался в Сибири и всю свою жизнь связал с этим краем: «Здесь все еще ново, здесь все отзывается европейской цивилизацией, понятиями, уже не русскими. Россия же, по моему мнению, мало отошла от России времен Иоанна Грозного. Наружный лоск, лакировка кожи не доказывает прочности» [11; 412].

Эта естественная свобода экономического автономного развития Сибири была так важна и для Радищева, и для декабристов еще и потому, что с ней неразделимо связано и столь ценное для них состояние человека, которое мы бы сейчас назвали состоянием внутренней свободы личности. На протяжении всего XIX века контраст между свободным, сибирским и рабствующим, европейским вариантами национального характера, особенно ярко проявляющийся именно в крестьянах, не переставал изумлять вольных и невольных путешественников по Сибири. Поэтому, конечно, глубоко неслучаен тот факт, что Радищев именно в Сибири, в ссылке, пишет философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», превращающийся под его пером, как и все, что написано им, в пламенный гимн свободе.

Труды духовные дополняются у писателя трудами практическими: Радищев пытается селекционировать и привить к сибирским условиям разные овощи, занимается медицинской практикой (известно, что он делал опыты оспопрививания). Так постепенно проходит шесть лет...

В 1796 г. умерла после более чем тридцатилетнего царствования императрица Екатерина II, и одной из первых акций ее сына и преемника Павла I была амнистия всех политических заключенных и ссыльных предыдущего царствования. До Радищева известие о возможности покинуть Илимский острог дошло в начале 1797 г., и писатель, так скоро, как только мог, тронулся в обратный путь, тою же дорогою, которая и для него счастливо обернулась Московским трактом.

Вновь окружила его стихийная мощь сибирских пейза-

жей, и в назначенный срок, в марте 1797 г., он опять прибыл в Томск, но на этот раз уже не стал задерживаться: всего два дня провел он в городе, две записи оставил в «Дневнике путешествия из Сибири», в которых опять замелькали известные томичам тогда и теперь названия:

«5 марта 1797 г. До Торунтаевой 22 версты, где есть старожилы и посельщики. Ели печеную репу с великим аппетитом и, переменяв лошадей, поехали до Халдеевой 23 версты. Тут Полинька (сын Радищева, Павел. — О. Л.) говорил, что мы едем к халдеям и вавилонянам мудрецам (халдеи — секта звездочетов и религиозная община в древнем Вавилоне. — О. Л.)... До Семилужного села, где есть церковь, 15 верст, а оттуда до Томска 30 верст. В Томске стали на квартиру к тому же хозяину, где жили прежде. Приняты ласково. Он голова городской.

6 марта. Дорога от Томска до перевоза идет простран-ным полем подле возвышенного древнего берега реки, к которому она от перевоза отклоняется; тут питейный дом и крест над утопшим. На углу возвышенного берега выходят аспид, гранит, кварцу белого много валяется; земля черная, из коей купорос и квасцы. Подле того белая фарфоровая глина, из коей посуду делают, но худо. За рекою лес темный идет в правой стороне и в левой поля и луга и деревень много татарских, и едут мимо их кладбищ» [1;3,274].

Версты Московского тракта одна за другой ложились под колеса радищевских повозок. Радостная обратная дорога неумолимо вела его... к чему? В Тобольске, 7 апреля, ему было суждено потерять жену: Е. В. Рубановская умерла на обратном пути в том самом городе, где они встретились 7 лет назад. И вообще, по возвращении из Сибири, Радищеву осталось в жизни не так уж много. Три года под надзором в собственной имении, а потом — невероятная, счастливая возможность дела.

После очередного дворцового переворота — убийства Павла I и воцарения Александра I — Радищев был призван в столицу, восстановлен в гражданских правах и мало этого — он вошел, по ходатайству неизменного друга и покровителя А. Р. Воронцова, в комиссию по составлению новых законопроектов. Александр I начинал широко и либерально. Общий смысл его деклараций начала царствования клонился к тому, что государственный строй России нуждается в конституционных реформах. Радищев, как и многие другие, понял эти декларации в прямом смысле, и первый же законопроект, над которым он начал работать, был проектом конституционной реформы власти и земельной собственности. И вновь, как и десять лет назад, после публикации

«Путешествия из Петербурга в Москву», открывалась перед ним перспектива... очень реальная и теперь уже знакомая до мельчайших подробностей, перспектива Иркутского тракта и Илимского острога.

В ночь на 11 сентября 1802 г. Радищев принял смертельную дозу яда.

Литература:

1. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: В 3-х томах. — М.; Л., 1941-1952.
2. Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. — М.; Л., 1959.
3. Шмаков А. Радищев в Сибири. — Иркутск, 1952.
4. Русские писатели в Томске. — Томск, 1954.
5. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению СПб Императорской академии наук. — СПб., 1786. — Ч. II. Кн. 1.
6. Лессепсово путешествие по Камчатке и по Южной стороне Сибири. — М., 1802. — Ч. III.
7. Адрианов А. В. Томская старина. // В кн.: Город Томск. Издание Сибирского Товарищества Печатного дела в Томске. — Томск, 1912.
8. Макогоненко Г. П. Радищев и его время. — М., 1956.
9. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Под ред. П. А. Зайончковского. — Т. 1. — М., 1976.
10. История воздухоплавания и авиации в СССР. — М., 1944.
11. Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. — Т. 2. — Иркутск, 1983.